

УДК 316.35.023.6

Рубцова Валентина Юрьевна,

SPIN-код: 7545-6080

младший научный сотрудник, Уральское отделение Российской академии наук (Россия, г. Екатеринбург)

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ПОВТОРЕНИЕ И ПРАКТИКИ «НЕ ЗАБЫВАТЬ О...»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мемориальная культура; культура памяти; визуальный метод; социальное время; эмпирические исследования

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются мемориальная культура в прочтении А. Ассман, а также тренд недовольства мемориальной культурой, заданный с позиции возмущения доминированием одной культуры, связанный с риском выхолащивания памяти, критикой идентичности, построенной на негативном опыте, и неприятием нового фокуса на «память» в символической политике.

Rubtsova Valentina Yurievna,

Junior Researcher, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ekaterinburg

MEMORIAL CULTURE: REPETITION AND PRACTICES OF “NOT FORGETTING ABOUT...”

KEYWORDS: memorial culture; culture of memory; visual method; social time; empirical research

ABSTRACT. The article examines memorial culture as interpreted by A. Assmann, as well as the trend of dissatisfaction with memorial culture, set from the position of indignation at the dominance of one culture, associated with the risk of emasculating memory, criticism of identity built on negative experience, and rejection of the new focus on “memory” in symbolic politics.

Понятие мемориальной культуры вводится А. Ассман наряду с исторической политикой. Это идущее снизу гражданское обращение с памятью, существующее помимо спускаемой сверху директивности, принудительной гомогенности памяти [Ассман 2014: 300]. Также мемориальная культура утверждает возможность интереса к прошлому вне профессиональной деятельности историков. Это «освоение прошлого определенной социальной группой», в том числе позволяющее обратиться к памяти «жертв» преступлений государства [Ассман 2016: 12]. Цель мемориальной культуры состоит в выстраивании социальной группой или народом собственной идентичности. Это происходит через отождествление с общим прошлым. Настоящий параграф в некотором роде представляет собой изложение организованного в процессе эмпирического исследования «граж-

данского обращения» с памятью. Отсутствие прямого вопроса о событиях прошлого страны, имеющих значение для информантов, позволяет по-разному взглянуть на само понятие прошлого. Оно не операционализируется исследователем, а выстраивается информантами в процессе интервью.

Помимо понятия «мемориальной культуры» А. Ассман пишет о недовольстве мемориальной культурой. Однако она не рассматривает недовольство как негативное явление. Это естественное положение вещей, когда одно событие доминирует над другими в функциональной памяти определенной социальной группы. И тогда существует недовольство мемориальной культурой со стороны доминируемых контркультур [Ассман 2016: 73]. Недовольство, критика позволяют мемориальной культуре, несмотря на институционализацию, оставаться динамическим процессом. Вельцер рассматривает недовольство мемориальной культурой, с одной стороны, как итог выхолащивания памяти, критики подхода «помнить, чтобы помнить», это недовольство культурой, которая замыкается на себе и не обогащается. С другой стороны, это недовольство идентичностью, построенной на негативном опыте [Ассман 2016: 74]. Недовольство мемориальной культурой можно также понимать как недовольство трендом «памяти» в политике, это недовольство появлением новой области в символической политике и ее претензией на доминирование.

Данное исследование позволяет избежать конструирования образа прошлого России в подходе «помнить, чтобы помнить», так как обращается к личным предпочтениям информантов. Однако невозможно с достаточной точностью оценить, являются ли полученные образы доминируемыми или доминирующими с помощью выбранной качественной методики. А значит, и спрогнозировать, как будет происходить процесс смены одной функциональной памяти на другую. Тем не менее возможно оценить, встраивается ли идентичность, построенная на негативном опыте, в представления жителей России о ее прошлом. Так как сам интерес к представлениям информантов о прошлом предполагает принадлежность к тренду «памяти», вопрос о недовольстве новой областью в символической политике снимается.

М. Хальбвакс утверждает, что «история похожа на кладбище, где пространство ограничено и где все время приходится находить место для все новых могил» [Хальбвакс 2005], что сравнимо с процессом создания архивов, который описывает Пьер Нора. Однако если «архив» предполагает возможность использования, то «кладбище» же лишь строит систему координат для индивидуальной памяти. Такая система координат может быть также названа социальным временем, внешним по отношению к тому времени, которое переживается сознанием индивида. Особенностью социального времени является то, что оно «отстает» от времени индивида. В момент осознания индивидом социальной реальности система ко-

ординат еще «не прорисована», «событие занимает свое место в ряду исторических фактов лишь через некоторое время после того, как оно происходит» [Хальбвакс 2005]. Это создает возможность для постоянной смены представлений о событиях, происходивших в прошлом. Этот вопрос представляет интерес, так как с помощью повторяющегося эмпирического исследования можно оценить, как меняются представления жителей России о прошлом. Также подобное описание процесса создания «могил» и «архивов» предполагает ограничение исследования – невозможно узнать представления информантов о недавнем прошлом.

Несмотря на сходства истории и коллективной памяти, М. Хальбвакс отмечает, что история – это картина изменений, а коллективная память – картина сходств [Хальбвакс 2005]. Это связано с тем, что история и коллективная память обращают внимание на разные свойства одного объекта, поскольку цель коллективной памяти – сохранение идентичности, а цель истории – фиксирование изменений. Исследование представлений информантов о прошлом – это исследование их идентичности. Внимание фокусируется не столько на конкретных событиях истории, выбранных информантами, сколько на повторяющихся образах, вызывающих эмоциональный отклик.

Важным признаком коллективной памяти является то, что она сохраняется группой, признаком истории – то, что она воспроизводится группой. «Сохранять» историю может летописец в одиночку, но она адресована неопределенному кругу лиц и становится историей, когда ее признают и воспроизведут в настоящем. Существующий в некотором абстрактном племени обычай «встречать восход солнца, стоя на одной ноге» относится к коллективной памяти, даже если остался в живых один из этого племени, кто помнит и соблюдает этот обычай. Важно лишь то, как он был сохранен – коллективно. Методологическим вызовом исследования можно назвать вопрос, будет ли в полученных результатах фигурировать некий обычай или только обобщенные исторические данные.

Пьер Нора разделяет память на «истинную» память и «память-историю» [Нора, Озуф, де Пюимеж, Винок 1999: 21]. В ситуации памяти прошлое неотличимо от настоящего, остается в настоящем и не воспринимается как прошлое. Как только происходят изменения, исчезает идентичность, появляется различие между прошлым и настоящим, и, как следствие, прошлое остается в прошлом и становится историей. Чтобы пояснить категории «прошлое в настоящем» и «прошлое в прошлом», приведем абстрактный пример: существует некоторый предмет X, который жители древнего города N использовали в быту способом Y. В ситуации «прошлого в настоящем» жители продолжают использовать этот предмет способом Y. В ситуации «прошлое в прошлом» предмет X не используется и существует только для того, чтобы восстановить способ Y.

Появляются способы $Y_1, Y_2, \dots Y_n$, стремящиеся к Y , но не достигающие его, тогда как способ Y оказывается безвозвратно утерян.

Итак, память – это переживаемая связь с вечным настоящим, для которой характерно «повторение» прошлого как демонстрация идентичности, история – репрезентация прошлого, происходящая в процессе его повторной актуализации. Память всегда актуальна, история предполагает реконструкцию того, чего уже нет.

П. Рикер вводит деление культуры памяти на культуру повторения и культуру, выраженную в практиках «не забывать о...» [Рикер 2004: 102]. Чтобы рассуждать о практиках повторения как о части мемориальной культуры, обратимся к разделению памяти на накопительную и функциональную, сделанному А. Ассман [Ассман 2014: 59]. Часть памяти остается во всевозможных архивах, другая часть постоянно актуализируется, отчасти благодаря повторению и «заучиванию наизусть», наряду с переосмыслением. Гражданское обращение с памятью здесь состоит в выборе, «что» повторять, какие события накопительной памяти актуализировать в памяти функциональной. Например, когда школьник сам выбирает, какое стихотворение ему прочитать наизусть (из всех доступных ему).

Практики «не забывать о...» как часть мемориальной культуры существуют внутри семьи и общества. Не забывать о важных событиях в истории отдельной семьи, – эта культура основана на коммуникативной памяти трех поколений. С помощью накопительной памяти, таких проектов, как «бессмертный барак», просветительских организаций семейная память становится доступна.

Культура повторения сравнима с категорией длительности, которой оперирует Бергсон, описывая движение. Это чистое движение или изменение, характеристикой которого является неделимость [Делез 2001: 251]. В рамках мемориальной культуры это события прошлого, которые «длится» в настоящем. На повторении как на постоянном воспроизведении практик также основано понятие «истинной памяти» П. Нора [Нора, Озуф, де Пюимеж, Винок 1999: 21].

Практики «не забывать о...», в свою очередь, сопоставимы с понятием «протяженности» как типа движения по А. Бергсону. Это совокупность статичных состояний объекта: объект покрывает пространство, тем самым образуя движение. Основной характеристикой протяженности является делимость, т. е. детализировать статичные состояния можно бесконечно. П. Нора называет практики «не забывать о...» постоянным созданием архивов, характерным для «памяти-истории». Действительно, в истории бесконечно много моментов, о которых можно «не забывать», и их количество только растет.

Возникает вопрос о содержании мемориальной культуры в России, что именно «повторяется» и о каких событиях прошлого граждане «не

забывают». А. Ассман пишет, что памятник «несет эмпатическое послание потомкам» [Ассман 2014: 9], выбранная методика исследования позволяет смоделировать «памятники» на бумаге и посмотреть, какое эмпатическое послание сформулировали жители России. История состоит из событий, которые дают точки отсчета. Опираясь на них, возможно говорить «до» и «после». Прошлое содержит в себе не только события, но и повторяющиеся практики.

Для эмпирического исследования выбран метод полуформализованного интервью с использованием рисунка. Использование изображений предполагает принадлежность к визуальным методам в социологии. Визуальные данные можно разделить на две категории: визуальные изображения, созданные другими и изученные исследователем, и визуальные изображения, созданные исследователем [Bailey, McAtee 2003: 45]. В данной работе рисунки создавались информантами в самом процессе исследования. Д. Гаунтлетт и П. Хольцварт, отдающие предпочтение визуальным и творческим методам, отмечают, что большинство подходов к исследованию аудитории требуют от участников мгновенного описания своих взглядов, мнений или ответов в вербальной форме, и это отрицательно влияет на качество получаемой информации [Gauntlett, Holzwarth 2006: 83]. Преимуществом рисунка является то, что он позволяет получить образ до его описания с помощью языка, а значит, зафиксировать «практики повторения», которые не являются точками отсчета в истории.

Описание эмпирического исследования

Было проведено исследование в форме полуформализованного интервью с использованием визуального метода, $N = 20$ ($M = 8$, $Ж = 12$). Информантам было предложено нарисовать на листе бумаги «прошлое России» так, как они его себе представляют. Не вводились ограничения временного периода прошлого. Допускалось изображение одного или нескольких сюжетов. Не вводились дополнительные ограничения по изображаемым материалам, кроме существующих законов Российской Федерации. Далее информантам предлагалось рассказать о своем рисунке в свободной форме.

При затруднениях со стороны информантов были заданы уточняющие вопросы. В том числе проверялось наличие «самоцензуры» – существовал ли в фантазии информанта сюжет прошлого, который он хотел нарисовать, но по каким-либо убеждениям не стал. Также была учтена возможность «подмены» сюжета по причине отсутствия достаточных навыков рисования. Информантам был задан вопрос: возникали ли сложности в процессе самого рисования, получилось ли изобразить желаемый «сюжет». Таким образом, информация, полученная в интервью, при необходимости дополняет визуальные данные рисунков, позволяет трактовать их в соответствии с идеями информантов.

Объектом исследования были жители России от 18 до 60 лет, проживающие в России с рождения (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Казань, Ижевск, Воткинск). Профессии информантов: инженер-технолог, индивидуальный предприниматель, военнослужащий, музейный работник, госслужащий, гид, педагог-организатор, аналитик, программист, работник кол-центра, копирайтер, специалист дополнительного образования, пенсионер, инженер-теплотехник, спортивный тренер, фрилансер, администратор компьютерного клуба, финансовый консультант.

Принцип формирования выборочной совокупности для качественно-исследования заключается в том, что необходимо увеличивать число интервью, пока количество новой информации не станет настолько малым, что дальнейшее увеличение числа информантов будет нецелесообразно. Некоторые информанты нарисовали изображения-метафоры, каждое из которых представляет новую информацию. В исследовании «Нарисованная собой Россия»¹ такие рисунки были исключены из анализа. Однако возможно признать выборку достаточной при повторении информации, не учитывая изображения-метафоры, но оставить их для анализа. Также не учитывались для признания выборки достаточной рисунки, которые можно включить в группу практик «не забывать о...» или категории протяженности по Бергсону. Таким образом, формирование выборочной совокупности происходило до тех пор, пока появлялись новые данные в рамках «культуры повторения» по П. Рикеру или категории «длительности» А. Бергсона.

Результаты исследования

Основные сюжеты рисунков представлены следующими группами: «церковь», «космос», «деревня», «царь», «СССР», «природа», «постсоветская Россия», «конкретные события», «метафоры».

Сюжет «церковь» наполнен деталями «купола», «кресты», «Георгий-Победоносец», «священник». В некоторых случаях это деревянная церковь, в других – каменная. Для одного из рисунков характерно изображение «света» вокруг церкви: *«Я изобразила храм как символ веры, но это необязательно связано с религией. Вера – абстрактное понятие, в сложное время люди вспоминают, мне кажется, именно о ней. Она дает возможность двигаться дальше. Решила, что хочу выделить отчетливо храм. Передала это через яркие краски храма и дорожки в противовес серому пространству вокруг»* (информант № 4). Люди на изображениях присутствуют в образе героев или священников. Невозможно определить конкретный период истории, к которому обращаются информанты. На одном из рисунков изображен Георгий-Победоносец в костюме кос-

¹ Результаты всероссийского исследования «Социология образа будущего-2033: нарисованная собой Россия». URL: <https://cleverussia.ru/Future2033.pdf> (дата обращения: 31.01.2024).

монавта: *«Православие как религия – часть Российской истории на протяжении веков, и один из самых узнаваемых символов – это Георгий Победоносец»* (информант № 5). Информант вспоминает икону, поэтому изображение отнесено к сюжету «церковь». Также церковь – не только символ веры, но и власти: *«Ну это мое отношение к религии, но касательно прошлого – это способ управления толпой со своей тысячу раз переписанной библией под современные выгодные государственным деятелям реалии»* (информант № 1).

Следующая группа – «космос», состоит из деталей «космический корабль», «звезды», «Земля», «луна», «космонавт», «солнце». Человек на рисунке представлен в образе «космонавта» или отсутствует. Период истории, отраженный в изображении, – вторая половина XX века. Часть информантов делятся воспоминаниями именно о первом полете человека в космос: *«Ну, я думаю, с космосом все понятно. Это все же значимое событие было»* (информант № 12). *«В моем сознании про историю России какую-то часть занимает советское прошлое и научно-технический прогресс тех лет, и пик этого прогресса, по моему мнению, – первый полет человека в космос»* (информант № 5). Один из информантов обращается к теме космоса в целом: *«У меня изображен космос, потому что наша страна всегда была лидером в ракетной и космической отрасли, мы первые запустили спутник, первые изобрели ракету, первые запустили космический аппарат, первая женщина-космонавт, рекорд которой до сих пор не побит. И большинство детей в наше время мечтали быть космонавтами. Нам хотелось покорять космос»* (информант № 10).

Сюжет «деревня» представлен в категориях «деревянный дом» (баня, ворота, дым из трубы, наличники на окнах, женщина в кокошнике), «повозка» (лошадь, телега или сани, мужчина-извозчик в цилиндре или шапке-ушанке, женщина на телеге), «крестьяне» (мужчина, плуг, лошадь, земля, женщина в поле, стог сена): *«Нарисовал Древнюю Русь. Лошадь с санями, женщину в кокошнике и зверей из леса. Раньше была такой Россия»* (информант № 2). *«Сразу в голове возник образ русской избы и полей с лесами. Это даже, скорее, поселение деревенского типа. Прошлое России для меня – это прошлое моих бабушек и дедушек, которые жили именно в подобных деревянных домах, занимались хозяйством»* (информант № 14). Дополнительно может содержать детали «солнце», «животные», «деревья». Для некоторых информантов данный сюжет связан с семейной памятью, которая воспринимается как часть прошлого России: *«Раньше дома были свои, а сейчас квартиры. У нас был погреб, куда мы ну... чтобы не портилась еда. Был свой дом и баня. Огород был. Папа построил сначала маленький дом, а потом вот этот. Я нарисовала это, потому что это уже давно было, я молодая еще совсем была»* (информант № 8). *«Это старая Россия, образ деревни, что я помню из дет-*

ства. Понял это, когда попросили изобразить, и такая картина пришла в воображение» (информант № 15). Один из информантов при описании данного сюжета использует слова «нищета», «работяга с плугом». На рисунках присутствуют люди обоих полов, взрослые и дети.

Сюжет «природа» на некоторых рисунках сопутствует сюжету «деревня», на других выступает как отдельная часть. Содержит детали «лес» (елки, березы), «облака», «птицы», «река», «трава», «рыбак», «лодка», «лето»: *«Родина в моем детском понимании. Это леса, реки, озера, горы, моря, солнце, то есть все светлое и позитивное»* (информант № 10).

Сюжет «царь». Содержит как отрицательные, так и положительные коннотации. На одном из рисунков изображен в форме навозной кучи с короной: *«как я себе это вижу – огромные залежи ресурсов, которые тратятся не на образование населения, не на дороги и науку, а на конкретные прихоти условного царя»* (информант № 1). Также изображен как часть страны наряду с народом: *«я вот ни разу не историк, но у меня почему-то теплые отношения к царям»* (информант № 12). На одном из рисунков изображен расстрел царской семьи. Царь представлен обезличенным, без короны, нарисован в группе других людей, которых расстреливает человек в погонах. Корона лежит на траве в другой части рисунка. Изображение отнесено к данному сюжету по комментариям информанта.

К сюжету «СССР» относятся «производство» («советский плакат», «завод»), «советский быт» («советская квартира», «белье на веревке», «хлеб»), «мать-одиночка», «Виктор Цой». *«В данном случае это соотносится с моими представлениями о производительности труда, высокими темпами работы, которые присущи тому периоду времени. Здесь же вспоминается слово ударник, которое появилось в то время»* (информант № 17). *«В прошлом России на первом плане женщина, которая одна воспитывает детей»* (информант № 13). *«Было много детей в семьях в послевоенное время»* (информант № 18).

Для одного из информантов сюжет связан с семейной памятью: *«Мы сидели вместе всей семьей и смотрели фигурное катание. Это для нас был какой-то праздник, что ли. Мы всегда пили чай, ели орешки, сидели на диване. Перед нами был круглый стол, за спиной висел ковер, а под ногами была дорожка»* (информант № 9).

Один из информантов вспомнил конкретного человека, олицетворяющего период СССР: *«Я нарисовала знаменитого советского рок-музыканта Виктора Цоя. Почему я нарисовала именно его... как по мне – этот человек был знаменитым тогда и сейчас. И в те времена, когда жил В. Цой, было сложное. Хоть его уже нет на свете, но его музыка осталась и играет до сих пор. И поэтому нарисовала его»* (информант № 20).

Сюжет «Постсоветская Россия» включает в себя воспоминания о «митингах» и «милиции»: *«правительство за забором и люди, которые по-*

стоянно что-то требуют» (информант № 13). «Милиция в сердечке это про то, что их раньше не боялись, а сейчас ты можешь быть 300% уверен, что ни в чем не виноват, но все равно страшно» (информант № 12).

Следующая группа сюжетов отражает конкретные события, изображенные на рисунках, – Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Отечественная война 1812 года, Разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации («Расстрел Белого дома»), приглашение Рюрика на княжение. *«Ну и последнее про то, что Наполеон на нас пыжился и не смог, а потом Гитлер на нас пыжился и не смог» (информант № 12). «Отразил события осени 1993 года. Я решил изобразить это изображение, потому что именно оно отображает в данный момент мое внутреннее состояние. Это первое что пришло в голову» (информант № 16).*

Другие сюжеты, которые были изображены без повторений, – абстракции: «дерево предков», «двухглавый орел». Первый сюжет информант связывает с памятью рода, расширенной семейной памятью: *«Это река из крови предков, уходящая за горизонт, и, метафорически, путешествовать в прошлое – значит плыть по этой реке. Река на дерево похожа, это так задумано. Это родовое дерево и кровь, которая течет в наших жилах, и кровь, которую проливали наши предки, чтобы мы могли жить» (информант № 7).*

Второй сюжет, «двухглавый орел», падающий в пропасть, к ноге которого привязано «прошлое», отражает противоречивость прошлого России: *«В религии – сначала были язычники, потом все стали вдруг православными, потом атеистами, сейчас снова все христиане, при том, что на практике вообще могут сочетать несочетаемое, как например какие нить флаги с Иисусом на марше коммунистов и т. д. В мироустройстве – метаемся между Востоком и Западом, пытаемся зачистить российскую культуру от “чуждого”, хотя российская культура сплошь состоит из заимствований, то же православие, например» (информант № 11).*

Визуальные данные позволяют посмотреть на прошлое России как на «длительность». Информанты отказываются от формата «дат в истории» в пользу образа: *«Первое что мне приходило в голову – это нарисовать классическую стрелу времени, где я хотел нарисовать линию, и на ней пиктограммами отметить поворотные точки в истории, на мой взгляд, и получившаяся совокупность точек на линии стала бы образом прошлого. Но я быстро отказался от такой идеи, потому что это больше похоже на пересказывание учебника истории, а я в рисунке с самого начала хотел передать свои ощущения и переживания» (информант № 11).*

Заключение

Информанты представляют прошлое как «длительность», как некую совокупность повторяющихся практик, перетекающих из прошлого в

настоящее, в сюжетах «церковь», «космос», «деревня» и «природа». Эти сюжеты имеют сходные атрибуты и значительное количество повторений на рисунках.

Прошлое России также отражено в периодах и присущих им свойствах. Так, период СССР запомнился информантам сферой производства, советским бытом, статусом «мать-одиночка» и фигурой Виктора Цоя. Постсоветское прошлое выражается в «митингах» и «милиции». Дореволюционная Россия связана с образом царя, который представлен обезличено и неоднозначно. Это абстрактная фигура, существующая наряду с «народом». Конкретные события истории, изображенные на рисунках, – Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Отечественная война 1812 года, Разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации («Расстрел Белого дома»), приглашение Рюрика на княжение. Это моменты или периоды, характеризующие прошлое как «протяженность», события, которые завершились или продолжают длиться, но уменьшили свою актуальность.

Абстрактные сюжеты содержат в себе послания из прошлого: прошлое как опора для существующих поколений и противоречивое прошлое, на которое невозможно опираться. Фокус информантов здесь также разделен на «длительность» и «протяженность». Фиксация на изменениях не позволяет выстроить идентичность.

Риски недовольства мемориальной культурой, построенной на негативной идентичности, присутствуют только для сюжетов, относящихся к категории «протяженности» по Бергсону или практиках «не забывать о...» П. Рикера. Сюжеты «церковь», «космос», «деревня» и «природа» не имеют отрицательных коннотаций, не подвержены выхолащиванию памяти, так как содержат актуальные представления жителей России о ее прошлом.

Метод исследования представлений о прошлом с помощью рисунка дает возможность сместить фокус с «дат в истории» к значимым атрибутам эпох и более явно увидеть, как формируется идентичность.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Берксонизм. Спиноза : пер. с франц. 2001. 480 с.
4. Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Проблематика мест памяти. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.

5. Результаты всероссийского исследования «Социология образа будущего-2033: нарисованная собой Россия». URL: <https://cleverussia.ru/Future2033.pdf> (дата обращения: 31.01.2024).

6. Рикёр П. Память, история, забвение : пер. с франц. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). 728 с.

7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 31.01.2024).

8. Bailey J., McAtee D. “Another way of telling”: The use of visual methods in research // *International Employment Relations Review*. 2003. Vol. 9, issue 1. P. 45–60.

9. Gauntlett D., Holzwarth P. Creative and visual methods for exploring identities // *Visual Studies*. 2006. Vol. 21:1. P. 82–91.